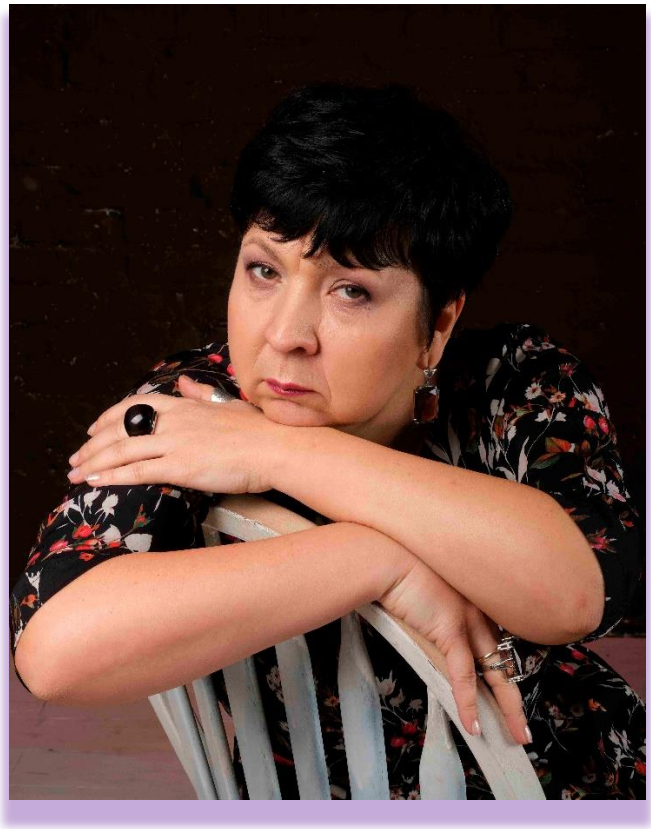
УДК 008: 159.953.2: 141.32: 615.851.84
5.7.7. Социальная и политическая философия
https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2(11)-241-280

МЕТАМОРФОЗЫ ИГР ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИКА: ОТ БАНАЛЬНОГО ШОУ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДРАМЕ



Елена Яковлева,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (Казань, Россия)

Elena Iakovleva,
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

ORCID: 0000-0002-4940-604X
e-mail: mifoigra@mail.ru

Для цитирования статьи:
Яковлева, Е. Л. (2025). Метаморфозы игр электронного кочевника: от банального шоу к экзистенциальной драме. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 2*(11), 241-280. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2(11)-241-280

Аннотация. Объектом исследования является электронный кочевник, который на каналах в мессенджерах и страницах в социальных сетях создает и размещает элементы собственного экзистенциального спектакля. Он формируется на основе зафиксированных посредством мобильных устройств эпизодов из жизни кочевника, как реальных, так и возможных. В подобном экзистенциальном спектакле электронный кочевник исполняет одновременно несколько ролей, выступая в качестве драматурга, режиссера и актера. Определенная часть эпизодов оказывается постановочной, воображаемой и/или желаемой, но не происходившей в реальности. Максимально привлекательный вид образам и информации помогает придать дизайн,

позволяющий обработать их текстовую, визуальную, графическую и звуковую составляющие. Свой образ в спектакле кочевник позиционирует в качестве эталонного, одновременно давая экспертную оценку или наставнические рекомендации по поводу актуальных социальных проблем. Экзистенциальный спектакль кочевник намеренно делает доступным для большой аудитории подписчиков, обольщая их приватной публичностью, но проявляя при этом «волю к власти». В экзистенциальном спектакле электронного кочевника обнаруживаются определенные риски, не позволяющие ему осуществить экзистирование и интенцирование к трансценденции. В итоге кочевник не понимает самого себя, а его экзистенциальный спектакль в мессенджерах и социальных сетях оборачивается личной драмой.

Ключевые слова: электронный кочевник, мессенджер, социальная сеть, экзистенциальный спектакль, экзистенция, дизайн, образ, интенцирование к трансценденции, цифровое выгорание, онтологическая недостаточность.

Что в современности раздвоилось: мир или человек?

Современное общество, перейдя на цифровой виток развития, активно осваивает систему координат двоемирия: реальности и виртуальности. При этом массовое предпочтение явно отдается не столько непосредственной действительности, сколько цифровой среде, уводящей личность в бескрайние и непредсказуемые дали, что дарит ей множество впечатлений и удовольствий. Как справедливо подчеркивал Ж. Бодрийяр,

> *«в наши дни виртуальное решительно берет верх над актуальным» [Бодрийяр, 1994]: «все перемещается в сферу виртуального» [Бодрийяр, 1994].*

Приобретя, благодаря всевозможным гаджетам, новую форму идентичности – электронное кочевничество, современный индивид активно осваивает и покоряет цифровую среду. Она все чаще служит для него зоной комфортного и продолжительного проведения времени, самоутверждения и реализации «воли к власти».

Само появление такой формы идентичности, как электронное кочевничество, обусловлено цифровым этапом развития общества и массовым распространением мобильных устройств, позволяющих быстро подключиться к Интернету, а затем и перемещаться/кочевать по его просторам, выполняя множество функций. Сегодня мобильное устройство – обязательный атрибут – помощник каждого

> *«технологизирующегося человека (В. Кутырев), проводящего значительную часть времени в виртуальном мире и решающего в нем огромнейшее количество задач» [Яковлева, 2023: 63]* (ил. 1).

Ил. 1. Где Я? В реальности или виртуальности?..
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
https://habr.com/ru/amp/publications/583812/

Сегодня именно цифровая среда оказывается пространством разнообразных проявлений электронного кочевника. И если

повседневная жизнь зачастую оставляет человека неудовлетворенным от недосягаемого/недостигнутого/неосуществленного, то виртуальное пространство предоставляет ему шанс отыграться, взяв симулятивный реванш за реальные экзистенциальные поражения. При этом в цифровой среде кочевник не только коммуницирует, осуществляет учебный/рабочий процесс, совершает финансовые операции, проводит досуг, но и активно конструирует и продвигает *постановку своей жизни* в виде *экзистенциального спектакля*. И особая роль здесь принадлежит мессенджерам и социальным сетям (например, Telegram, WhatsApp, ВКонтакте, Одноклассники и др.). Благодаря им кочевник позиционирует себя и коммуницирует с Другими, расширяя диапазон своей видимости и влияния в цифровом мире. Данный факт приводит к пониманию современности как

> *«эпохи переплетенности всех друг с другом в общей информационной среде» [Луковенков, 2024: 11].*

Несмотря на то, что ведение своих каналов в мессенджерах и страниц в социальных сетях считается составной частью жизнедеятельности современного кочевника, тем не менее некоторые аспекты их ведения позволяют говорить о рисках и кризисности бытия индивида. Все вышеперечисленное актуализирует анализ материалов, выкладываемых электронным кочевником в мессенджерах и социальных сетях. Методами нашего исследования избраны аналитический и экзистенциальный.

Принцип жизни в двоемирии: разыгрывание спектакля ради взгляда Другого

Электронный кочевник в мессенджерах и социальных сетях создает экзистенциальный спектакль, где выступает в качестве драматурга, режиссера и актера. Экзистенциальный спектакль выстраивается из множества снятых кочевником посредством мобильных устройств эпизодов о себе, выкладываемых на личных страничках. Как правило, в своем спектакле он намеренно сосредотачивается на реальных/полуфантазийных/воображаемых историях своей жизни, рассказывая о работе и досуге, посещении мероприятий (презентаций/шоу) или каких-либо мест (ресторанов, кинотеатров), шопинге и путешествиях, здоровом образе жизни и (не)значимых ситуациях/приключениях. Индивид формирует информационные сообщения на основе (реальных/желаемых) событий своей жизни, корректирует их (нередко посредством ChatGPT), осуществляет разыгрывание, исполняя главную роль, и фиксирует сцену/образ с помощью мобильного устройства, затем редактируя созданное и размещая в мессенджерах и социальных сетях. Заметим, создание информации и съемка сцены/образа могут осуществляться в любой последовательности. Различные акценты

> *«в содержании на уникальности информации с драматизацией событий, вовлекая кочевника в сюжетную линию, способствуют стиранию границы между реальным миром и изобретенной информацией» [Яковлева, 2024: 142]* (ил. 2).

В рамках экзистенциального спектакля кочевник активно эксплуатирует архетипические образы и связанные с ними мифы.

Среди наиболее распространенных выделим архетипы Великой Матери, Мудрого Старца, Трикстера, Анимы/Анимуса, мифы о жертве и палаче, принце и нищем, Золушке, It girl, роковой женщине, хаосе и космосе. Повсеместно включая в себя элементы «старой новизны», «ожидаемой неожиданности» и прозрачной/явной интриги, намеренно мифизированные истории экзистенциального спектакля претендуют на актуальность, подчеркивая значимость личности.

Ил. 2. Я – не-Я?.. Играем дальше...
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
https://i.pinimg.com/736x/7a/cc/e7/7acce755a71388009d3f2f66fd4969fe.jpg

Нередко в свои истории кочевник вставляет (без связи и логики) рассуждения о жизненном пути, счастье, одиночестве, любви, предательстве, смерти, ошибках и достижениях, падениях и взлетах или об актуальных в социальном пространстве проблемах,

позволяя себе (экспертные) оценки по поводу политики, экономики, бизнеса, культуры, искусства, моды, шоу-бизнеса, искусственного интеллекта и т. д. Как правило, электронный кочевник на своих виртуальных страницах предпочитает выступать в роли советчика и учителя (архетип Мудрого Старца), наставляя Других на правильный образ жизни, давая рекомендации и лайфхаки, где в качестве эталона он активно позиционирует Я и свой образ жизни. Заметим, некоторые истории кочевника оказываются мотивирующими, поддерживая Других в их достижениях.

Показательно, что при конструировании своего спектакля электронный кочевник активно прибегает к *дизайну*, посредством которого он придает привлекательный вид создаваемым им образам и информации, погружая подписчиков в восприятие преподносимого как чего-то значимого/необычного/чудесного в его жизни. Этому способствует сочетание и компоновка при демонстрации экзистенциального спектакля следующих элементов: текста, образа (фотографии, видеозаписи), графики и звуков. Дизайн позволяет произвольно корректировать информацию (в том числе посредством ChatGPT), делая ее при наличии воображаемых элементов максимально приближенной к реальности.

Обращение к технологии дизайна

> *«привносит в информацию эмоциональную насыщенность, яркость образов и динамичную событийность, что нередко отсутствует в реальности» [Яковлева, 2024: 141].*

Дело в том, что дизайн допускает множество трансформаций каждого из элементов (текстового, визуального, графического и

звукового). В результате размещенный в мессенджерах и социальных сетях спектакль электронного кочевника, состоящий из фото/видео эпизодов и информации к ним, в конечном итоге оказывается

> *«весьма далеким от мира, каков он есть сам по себе» [Луман, 2012: 18].*

Перечисленное позволяет охарактеризовать экзистенциальный спектакль электронного кочевника как *трансцендентальную иллюзию*. В подобном спектакле наблюдается определенное

> *«“раздвоение”, когда его (электронного кочевника – примеч. Е. Я.) тело принадлежит действительности, а большинство психических феноменов, например, высшие психические функции, воля, эмоции, “поглощаются” виртуальным миром и переходят в новое виртуальное тело» [Москвитина, 2023: 200],*

в результате

> *«происходит смешение, слияние реальностей: внутренней психической и техногенной виртуальной» [Москвитина, 2023: 200].*

Но сам электронный кочевник не желает рефлексировать над ситуацией и своими проявлениями в системе координат двоемирия. Он игнорирует и не замечает постановочное/выдуманное в виртуальности, принимая все в качестве реального, как пример для подражания.

Для реализации своего экзистенциального спектакля электронный кочевник продумывает и выстраивает свой образ, который или соответствует современной моде/требованиям к имиджу, или же, наоборот, изначально конструируется намеренно вычурным/эпатажным, максимально привлекающим внимание.

В основе каждого такого образа лежит какой-то современный прототип. Он выбирается в социальной среде

> *«со всеми своими характеристиками и особенностями» [Ляпкина 2015: 288],*

а электронный кочевник уже после

> *«на его основе выстраивает собственный образ, максимально приближенный к прототипу» [Ляпкина, 2015: 288].*

Нередко создаваемый в цифровой среде образ в реальной жизни электронный кочевник воплотить не может в силу самых различных причин (например, из-за отсутствия финансов, привлекательной внешности и/или высокого социального положения), либо же подобный образ является

> *«набором репрезентаций повседневности, отражающих образы будущего» [Шавлохова, 2024: 230] или «нарратив "своего будущего"» [Шавлохова 2024: 239]* (ил. 3).

При этом акцент в образе сделан на соблазне и обольщении. Сегодня

> *«обольщение не действует в условиях секретности, оно работает при наличии информации, обратной связи, безустанного освещения социальной среды наподобие интегральному и всеобщему стриптизу» [Липовецки, 2001: 48].*

Позиционирование электронным кочевником в мессенджерах и социальных сетях различных аспектов своей жизни (повседневности и праздников, рабочих моментов и досуга, общественных и интимных фрагментов и т. д.) заставляет признать факт отсутствия приватности. Сегодня частная жизнь электронного

кочевника благодаря цифровой среде становится достоянием огромного количества людей. В мессенджерах и социальных сетях он демонстрирует себя, (намеренно) обнажая интимные эпизоды, что привлекает внимание Других и управляет их мнением об электронном кочевнике. Обусловлено это следующим моментом: современный индивид понимает, что сегодня демонстрация приватности способствует его популярности и значимости. «Ценность приватной формы жизни неизмеримо выше, чем ценность публичной жизни» [Лехциер, 2008], потому что «в приватности = интимности (intimacy, intimate) ищется подлинность» [Лехциер, 2008].

Ил. 3. Видимый для Других, но скрывающийся от себя.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/kqZw

При этом само современное общество подвергается своеобразной *тирании интимного* (Р. Сеннет), демонстрируемого

в больших объемах в мессенджерах и социальных сетях. Но в публикуемых материалах практически отсутствует поиск подлинности, зато намеренно делается акцент на видимости, зрелищности.

> *«“Жизнь на публике” стала распространенным явлением и как способ жизни, и как способ организации социального, экономического и культурного пространства» [Луковенков, 2024: 13].*

Именно цифровой след способствует статусности и популярности современного электронного кочевника, принося ему паноптические переживания, которые имеют не только эмоциональный, но и процессуальный характер.

Электронный кочевник ведет свои каналы в мессенджерах и страницы в социальных сетях, создавая для них информацию о своем миропонимании и отношении к себе/Другим (процессуальный аспект). Его материалы находят свою аудиторию, реагирующую на них и выступающую в роли надзора (аксиологический аспект).

> *«Чувство нахождения под взглядом – “прицельным” и “расфокусированным” – является константой жизненного мира человека, вброшенного и включенного в условности информационно-цифровой культуры» [Луковенков, 2024: 15].*

Этот факт заставляет признать, что современный соблазн конститутивен: он системно выстраивается

> *«вокруг практики слежения за чужой жизнью» [Лехциер 2008]*

и позиционирования Я электронным кочевником.

Для экзистенциального спектакля характерна исповедальная форма изложения материала, сопровождаемая искренностью

(чаще всего постановочной), непосредственностью и спонтанностью. При этом электронный кочевник любит *скромно хвалиться* собственными достижениями, всячески подчеркивая значимость Я и самостоятельность сценариев его развития/проявления. Субъективное восприятие себя в качестве неординарной и даже гениальной личности в полной мере сказывается на спектакле электронного кочевника. Большинство эпизодов подобного спектакля всячески подчеркивают величие индивида, которое, однако, в значительной степени обладает симулятивным характером (ил. 4).

Ил. 4. Муки творчества электронного кочевника: какой же экзистенциальный эпизод еще выдумать?..
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/PTVV

В то же время в случае падения интереса со стороны Других к своей персоне электронный кочевник для его восстановления идет на любые действия, в том числе допуская нарушение этических и этикетных норм. Например, он способен развенчивать

мифы медийных/знакомых людей, провоцировать скандалы, позволяя себе эпатажные выходки или нелестные высказывания о Других электронных кочевниках, что становится поводом к информационной войне между ними и так или иначе способствует привлечению внимания. Все вышеперечисленное свидетельствует о жажде электронным кочевником власти и славы, которые он тщательно маскирует за лицемерной маской скромника и доброжелателя.

На наш взгляд, в словосочетании «*экзистенциальный спектакль*» следует обратить особое внимание на понимание экзистенции: это

> *«уникальное неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие человека» [Гагарин, 2023],*

во всей проблематичности и трагичности связанное с вопрошаниями о его сути и устремлениями к горизонту свободы. В своем экзистировании индивид проявляет *интенцирование к трансценденции*, что осуществимо

> *«через экзистенциальный "прыжок" через бездну бытия» [Гагарин, 2023], являющийся «условием погружения в себя, самоуглубления для открытия внутри себя трансцендентного измерения бытия» [Гагарин, 2023], «превосходящего человеческое и мирское, относящегося к глубинной инстанции» [Гагарин, 2023].*

Для осуществления этого необходимы чуткая встроенность в реальное бытие-в-мире и желание прояснить для себя его сущность, истоки, причины и следствия происходящего с Я. Но у современного электронного кочевника, переместившего свое внимание на виртуальность, подобные качества по большей части оказываются невостребованными/забытыми/неразвитыми.

Все вышеперечисленное позволяет нам заключить, что экзистенциальный спектакль электронного кочевника в мессенджерах и социальных сетях амбивалентен. Он несет в себе положительные и отрицательные заряды, сказывающиеся на личности, и разделить их в условиях двоемирия оказывается довольно трудно.

К чему приводят игры с иллюзиями в двоемирии?

Как мы отмечали выше, во всех эпизодах экзистенциального спектакля обязательно сделан акцент на Я кочевника. В своем спектакле личность демонстрирует, каким видит Я и желаемое восприятие его Другими, что свидетельствует об отсутствии самодостаточности как

> *«индикаторе нереализованности» [Ляпкина, 2015: 287], а «неудовлетворенность этой потребности выражается во внутреннем ощущении утраты корней – одиночестве и отверженности» [Ляпкина, 2015: 287].*

Именно это обстоятельство и подталкивает электронного кочевника к конструированию экзистенциального спектакля, посредством которого он (не)осознанно желает понять себя и реализовать Я. Но такая цель нередко не достигается из-за разрыва между реальным и виртуальным, действительно бывшем и (полу)фантазийным/воображаемым.

Более того, обращает на себя внимание то, что интенция экзистирования у личности должна быть привязана к реальному миру, что открывает ей понимание заброшенности, неподлинности и конечности бытия. Но электронный кочевник намеренно

отгораживается от окружающей действительности и погружается в виртуальность, не желая покидать пределы комфортных для него пространств. Привязанность и даже зависимость от цифровой среды, а также постоянный контроль за своими страницами в мессенджерах и социальных сетях приводят к тому, что

> *«каждый кочевник буквально обволакивается индивидуальной воображаемой капсулой, в которой постоянно пребывает и выход из данной сферы доставляет ему дискомфорт» [Яковлева, 2024: 140].*

Но капсула цифрового мира значительно обедняет экзистенцию личности, не позволяя осуществить интенцию экзистирования.

Подглядывания кочевников друг за другом в социальных сетях и мессенджерах позволяют говорить о новых принципах существования: «я видим, следовательно, я существую» и «я вижу, не будучи видимым». В современности осуществляется подглядывание одного за многими и многих за одним. Подобная ситуация представляет собой *паноптически-синоптическую модель* [Гуринская, 2014: 90]. Как справедливо утверждает В. Л. Лехциер,

> *«сегодня казаться, то есть показываться, демонстрировать себя, стоять на виду, быть под взглядом другого собственно и означает быть» [Лехциер, 2008]* (ил. 5).

В процессе ведения тематических каналов в мессенджерах и собственных страниц в социальных сетях явно обнаруживаются черты дневниковых записей, которые и представляют собой архив жизни электронного кочевника. Но

> *«в них появляется приватность публичного / публичность приватного, где приватное становится публичным, интимность требует выхода на широкую аудиторию» [Яковлева, 2023: 64-65],*

«осуществляется игра без игроков (Ж. Бодрийяр)» [Яковлева, 2023: 65] посредством «приукрашенных событий или псевдособытий» [Яковлева, 2023: 65].

Ил. 5. Подглядывая за Другими...
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/BB7D

Современные дневниковые записи кочевника теряют свою сакральность и интимность. Более того, в них начинает преобладать театральная постановочность, окончательно стирающая из памяти реальное положение дел, что обесценивает цифровой архив электронного кочевника, не способствует экзистированию и интенцированию к трансценденции, а значит, в конечном итоге, не ведет к пониманию Я.

Электронный кочевник, позиционируя себя в цифровой среде, оказывается одновременно наблюдателем и наблюдаемым, манипулятором и манипулируемым.

> *«Информационно-сетевой Паноптикон в пан-надзорности сетевой культуры – это процесс постоянного тотального надзора, в котором позиции человека меняются в зависимости от потока переменных, случайных или преднамеренных действий со стороны огромного числа взаимосвязанных, часто незнакомых людей, организаций, структур, событий и планов» [Луковенков, 2024: 17].*

При этом сам процесс подглядывания оказывается манипулятивным: видя у Другого интересный контент, электронный кочевник заимствует его, производя подобное и собирая одобрения/порицания. Не случайно, характеризуя взаимодействие в социальных сетях, мы можем говорить о когнитивном (интеллектуальном, эмоциональном) и аксиологическом подавлении и принуждении индивида, начинающим повторять актуальные образы.

> *«Любая идея, убеждение или потребность в чем-то может быть усилена или же полностью внедрена в сознание пользователя в случае, когда она многократно мелькает перед его глазами в социальных сетях в круге его друзей, подписок» [Шавлохова, 2024: 233].*

Можно утверждать, что сегодня обнаруживается намеренное стремление электронного кочевника к принуждению и переживанию паноптического как

> *«жизни под неизвестным и малопонятным взглядом» [Луковенков, 2024: 13].*

Для этого он конструирует на своих каналах в мессенджерах и страницах в социальных сетях собственный экзистенциальный

спектакль. При этом электронный кочевник явно желает, чтобы за его спектаклем наблюдали и оставляли реакцию. Не случайно свой образ в спектакле электронный кочевник выстраивает с оглядкой на Другого: именно он должен одобрить его.

> *«Тот, за кем сегодня наблюдают, подглядывают, хочет, чтобы за ним подглядывали» [Лехциер, 2008].*

К тому же сам процесс подглядывания вызывает у электронного кочевника неоднозначные эмоции и чувства.

> *«Современный паноптический опыт сегодня – это дихотомия ощущения и понимания важности быть в положении контроля относительно своего опыта в агрессивной плоскости пан-надзорности и стремительного включения, практически беззаботной игры на поле многомерных процессов использования и модификации информации любого типа» [Луковенков, 2024: 17].*

С одной стороны, электронный кочевник рад выложенному материалу и откликам на него: взгляд Другого возвышает индивида посредством одобрения, поддержки, сочувствия:

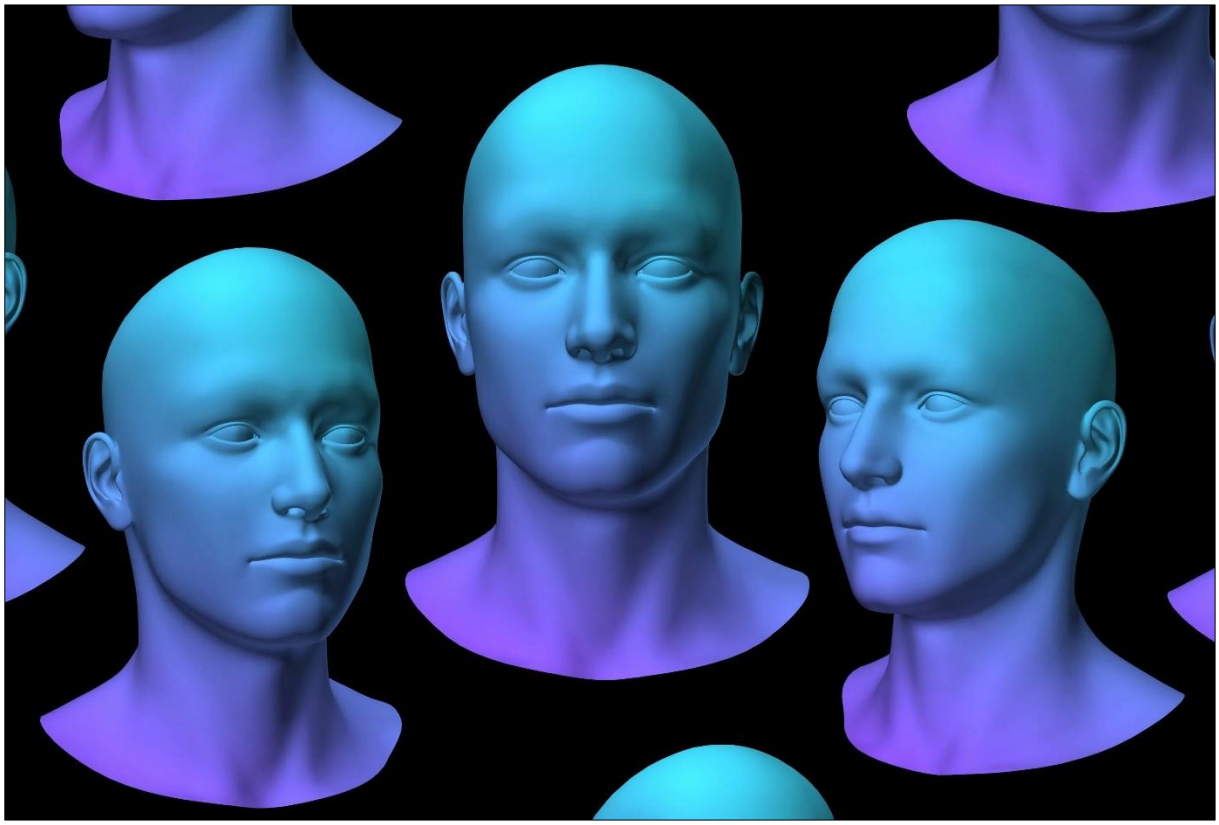
> *«в пространстве социальных медиа личность не только может смело выражать свое мнение и быть хоть и анонимно, но услышанным, но и само по себе влияние социальных сетей проявляется в том, что пользователи стараются получить социальные оценки своим действиям (постам, фотографиям, статусам, изречениям и т. д.)» [Шавлохова, 2024: 229].*

Тоталитарный надзор друг за другом в цифровой среде оказывается мягким и желаемым. С другой стороны,

> *«взгляд другого – это хичкоковский ужас от наблюдающих за тобой, но тебе невидимых глаз» [Лехциер, 2008],*

это надзор, превращающий кочевника в вещь [Лехциер, 2008].

Некоторые отклики (или их отсутствие) раздражают электронного кочевника, а сам он испытывает нервозное состояние от потери подписчиков или страх из-за отсутствия материалов для своего экзистенциального спектакля. Но современный кочевник уже не может в мессенджерах и социальных сетях позиционировать себя без взгляда Другого и его (нередко нелестных) реакций/комментариев, что являет собой форму цифрового мазохизма (ил. 6).



Ил. 6. Каждый новый эпизод спектакля начинается с чистого листа и… обнуленного Я
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/QeOg

Выкладывая в цифровую среду эпизоды экзистенциального спектакля, каждый электронный кочевник живет с иллюзией собственной власти над Другими, а

> *«наличие <…> подобной власти над каждым из зрителей в отдельности не производит эффект контроля» [Луковенков, 2024: 13].*

Современный модус власти связан с присутствием электронного кочевника в цифровом пространстве и его производством информации о самом себе, распространение которой может носить вирусный характер. При этом электронный кочевник оказывается сразу в нескольких разных ролях: он наблюдатель и наблюдаемый, манипулятор и манипулируемый. Для него само

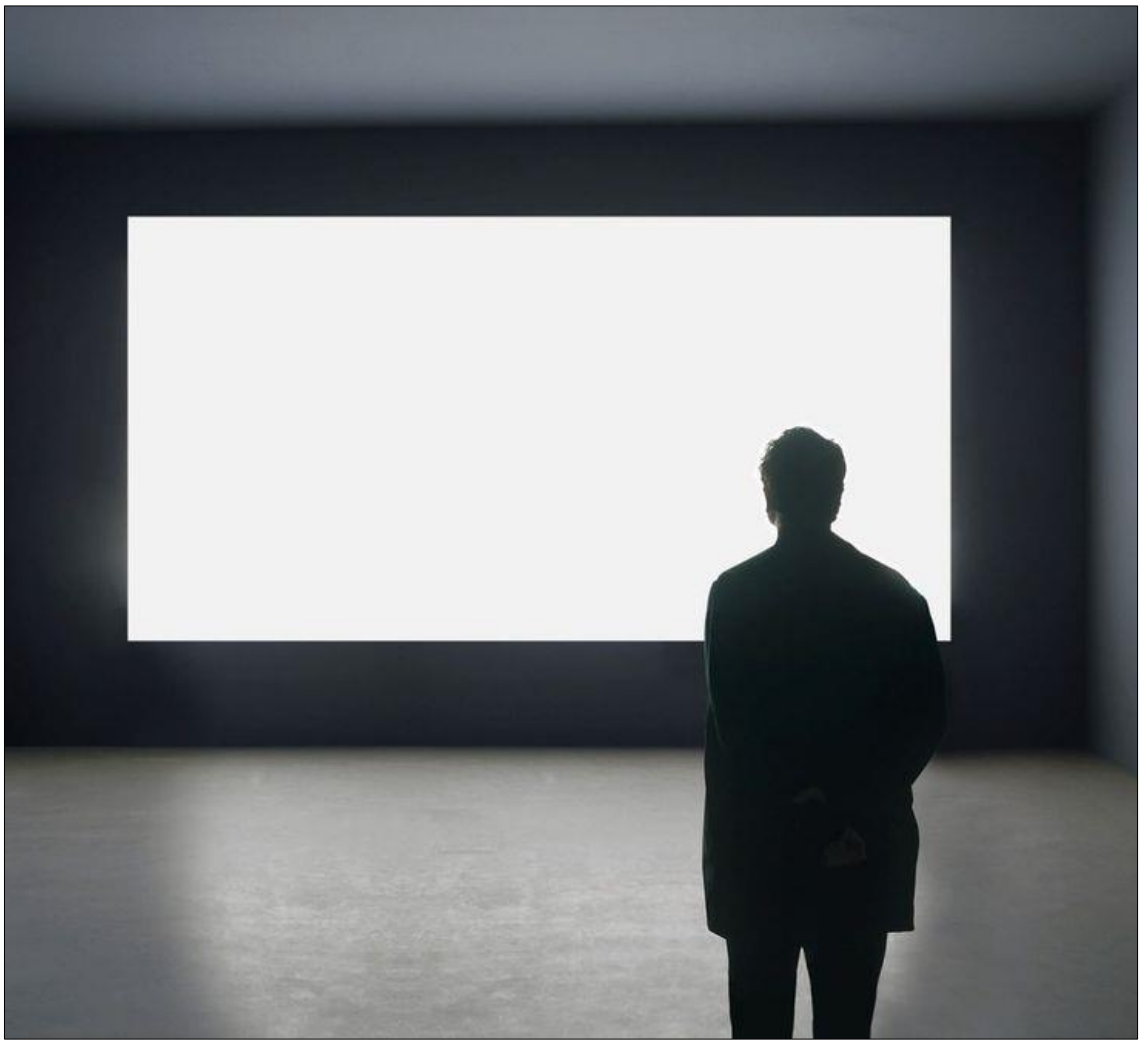
> *«слежение за чужой жизнью есть слежение за жизнью вообще, как бы возможность подсмотреть за жизненностью как таковой» [Лехциер, 2008] и «влечение к чужой жизни» [Лехциер, 2008] есть «примерка на себя чужой идентичности, временное перевоплощение в другого человека (а может быть, даже и не временное, а навсегда)» [Лехциер, 2008].*

В подобных тактиках электронный кочевник обнажает и собственную экзистенциальную нехватку, и (истеричное) желание восполнить ее любым возможным способом. При этом само подглядывание за Другим, соблазн и заимствование для индивида неоднозначны. Отказываясь от собственного Я и следуя за Другим, электронный кочевник может осуществить прорыв к самому себе, полностью уйти от себя, начав существовать в модусе бытия Другого и переживая его как собственную возможность, или задержаться в

> *«бытии-в-переходе, в состоянии “пере”, в состоянии движения от себя одного к себе другому» [Лехциер, 2008]* (ил. 7).

Восполнить обнаруженную нехватку в бытии помогает конструирование собственного экзистенциального спектакля, в котором желаемая/вымышленная жизнь электронного кочевника как не-Я выдается за реальную жизнь Я, а непрезентабельные эпизоды заменяются постановочными.

> *«В интернет-пространстве могут быть выражены агрессивные тенденции и подавленные стороны личности, высказаны мнения, удовлетворены сексуальные побуждения, потребности и желания контроля и манипуляции людьми, не нашедшие выхода в реальном мире» [Ляпкина, 2015: 289].*



Ил. 7. Есть ощущение нехватки… Но чего?..
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/sDbc

В своем экзистенциальном спектакле электронный кочевник демонстрирует *желаемое*, но нередко не бывшее в его жизни событие или случившееся несколько по-иному. Множество подобных эпизодов свидетельствуют о несамодостаточной личности, колоссальной нехватке в ее бытии и несбывшемся/неосуществленном экзистенциальном опыте. Переживание (процессуальное и эмоциональное) вымышленного оказывается неполноценным (из-за разрыва с реальным положением дел) или иллюзорно-постановочным. Но об этом знает только сама личность. Для Других, подглядывающих за ней, создается впечатление показа самого бытия и полноты существования электронного кочевника. Все перечисленное позволяет заключить, что экзистенциальный спектакль оказывается (частично/полностью) неподлинным:

> *«именно во всемирную паутину постоянно осуществляется выброс потоков (разнородной, противоречивой, недостоверной) информации, в которой отсутствует сама действительность» [Яковлева, 2023: 63].*

Философская интуиция Ж. Бодрийяра позволяет охарактеризовать наблюдаемую им ситуацию как *антитеатр* с фатальными стратегиями: в современных постановках в медийной среде

> *«вся театральная энергия расходуется на отрицание сценической иллюзии» [Бодрийяр, 2017: 85], трансформируемой в «пустую театральную форму» [Бодрийяр, 2017: 85] «пустой формы реальности» [Бодрийяр, 2017: 85].*

Неудовлетворенность собственной жизнью, а также множество симуляций экзистенциального опыта неизбежно приводят электронного кочевника к кризису.

Его усугубляет

> *«эффект фрейминга, то есть эффект воздействия рамок восприятия, зависящий от формы подачи материала и уровня интеллектуальной культуры электронного кочевника» [Яковлева, 2023: 66].*

Подобный факт влечет за собой искажение в понимании, формировании и интерпретации информации, и это сказывается на экзистенциальном спектакле электронного кочевника. В нем индивид демонстрирует

> *«неправильные убеждения, лежащие в основе мировидения, алгоритмов (нелогичного) мышления и (иррациональных) действий» [Яковлева, 2023: 66],*

считая их эталонными и не желая исправлять (даже при наличии критики со стороны подписчиков).

В реальной жизни в своем спектакле электронный кочевник должен осуществлять

> *«экзистенциальную коммуникацию экзистенции с другой экзистенцией, ведь личность раскрывается именно в межличностном бытии» [Гагарин, 2023].*

Но такая коммуникация сегодня имеет виртуальный формат, в котором отсутствует контакт глаза в глаза и имеют место симуляции, что не позволяет встретиться *экзистенции с другой экзистенцией*. Отчужденное взаимодействие с людьми на расстоянии порождает множество проблем, о которых современный индивид зачастую не задумывается. Только

> *«экзистенциальная коммуникация выступает непременным условием выхода к трансценденции и, соответственно, познания самой экзистенции – ведь только в коммуникации человек становится самим собой, не впустую проживает жизнь, но исполняет ее (т. е. реализует истинное, глубинное предназначение)» [Гагарин, 2023]* (ил. 8).

Ил. 8. Зазеркалье экзистенциального спектакля
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/jQjv

Но электронный кочевник сегодня оказывается безразличным к реальному бытию-в-мире, закрытому для него и, тем более, к трансцендентальному выходу в иное. Электронный кочевник сосредоточен на виртуальном пространстве и своем канале в мессенджере или странице в социальных сетях, для которых он ищет актуальные и привлекающие внимание сюжеты. Большая их часть оказывается симулятивной и театрализованной. В итоге электронный кочевник, проживая свою жизнь, относится к ней поверхностно, а порою несерьезно, осуществляя погоню за симулятивным. Он не задумается над своим бытием-в-мире,

не рефлексирует и не анализирует происходящее с ним, поэтому ему чужд экзистенциальный опыт Я и Другого.

Коммуникация электронного кочевника с Другими оказывается неискренней, лицемерной, постановочной, поскольку осуществляется преимущественно в виртуальности. Кочевник, желая быть положительным в глазах Других, оказывается преимущественно озабоченным не столько собственным реальным бытием-в-мире, сколько поиском удобной ситуации своего экзистенциального спектакля для фиксации и размещения в мессенджерах и социальных сетях. Сочиняя и режиссируя свой экзистенциальный спектакль, состоящий из множества эпизодов, электронный кочевник всегда находится в поиске, *проходя в жизни мимо жизни*. Эмоционально реагируя на нечто, понравившееся у Других в цифровой среде, он бездумно копирует чужое, выдавая за свое, и отправляется в поиск за очередной добычей, моментально теряя интерес к уже опубликованному в мессенджерах и социальных сетях.

При этом из-за своей неосознаваемой электронной зависимости индивид не может остановиться в своих блужданиях по цифровому миру и тем более не способен рефлексировать над происходящим с ним.

> *«В цифровой среде электронный кочевник порождает свои реальности, (полностью или частично) погружаясь в них» [Яковлева, 2024: 140], что «рождает трудности: возвращаясь в действительность и взаимодействуя в ней, кочевник накладывает на нее модели, характерные для виртуальности» [Яковлева, 2024: 140], и это «приводит к казусам» [Яковлева, 2024: 140].*

К реальной жизни у индивида формируется пренебрежительное и поверхностное отношение, в том числе из-за растраты собственной энергии в цифровой среде. Отсутствие рефлексии над происходящим в текучей современности, где

> *«чрезмерная твердость, обремененность взаимными обязательствами могут оказаться поистине вредными, когда новые возможности неожиданно возникают в другом месте» [Бауман, 2008: 20],*

значительно снижает у электронного кочевника уровень его когнитивных и креативных способностей. Человек

> *«не замечает/игнорирует свою наивность и примитивность, низкий уровень образования и несформировавшуюся культуру мышления» [Яковлева, 2023: 66]: «пытаясь отстоять свою уникальность, он позиционирует в социальных сетях повторяемость, характерную для других пользователей» [Яковлева, 2023: 66].*

В итоге электронный кочевник живет с ускользающей от него интенцией экзистирования, не понимает себя и Других, не может искренне высказаться и непосредственно выразить Я. Его жизнь проходит под надзором Другого и в процессе собственного надзора за Другим в модусе симулятивной постановочности эпизодов бытия, что делает электронного кочевника несвободным, зависимым, выстраивающим свое бытие в определенных задаваемых современностью рамках. Подобная ситуация не располагает к интенции экзистирования и интенцированию к трансценденции, к устремленности кочевника к Абсолютному как характеристике и обязательному условию его бытия-в-мире. Не случайно современная личность не имеет смыслов и абсолютных ценностей в жизни, что делает ее потерянной, испытывающей экзистенциальный кризис.

Более того, его прозрачная воля к власти, связанная с соблазнением и захватом аудитории в мессенджерах и социальных сетях, создает основу для конфликтов и свидетельствует о (прозрачной) ситуации «*войны всех против всех*» [Гоббс, 1936: 87]. Экзистенциальный спектакль электронного кочевника выступает в качестве

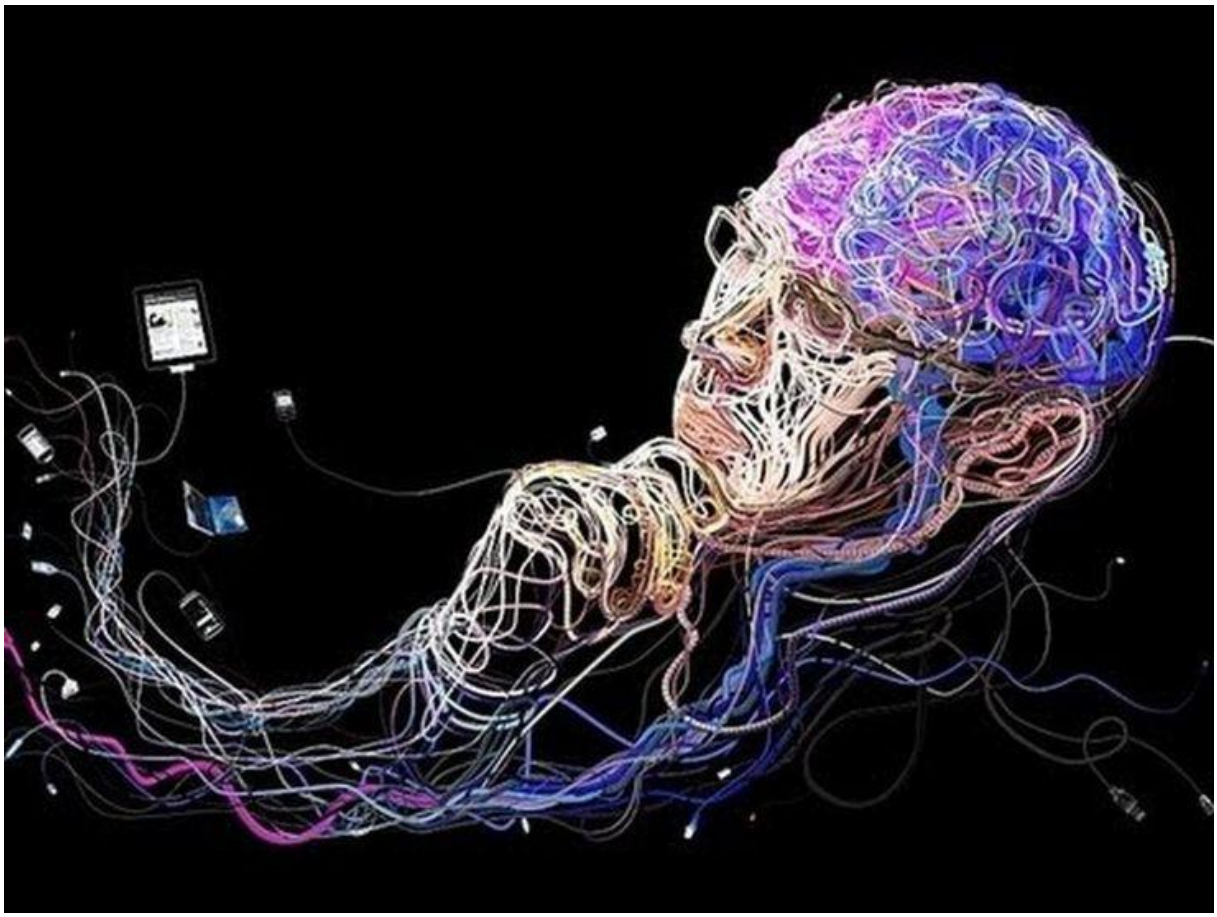
> *«автономной инстанции власти, играя роль инструмента манипулирования большой аудиторией электронных кочевников, определяя их восприятие и инициируя алгоритмы действий» [Яковлева, 2024: 143].*

Кочевник воинственен в отстаивании своих принципов и взглядов, демонстрируемых в экзистенциальном спектакле. Он уверен в превосходстве своего Я над Другими. Ограниченные интеллектуальные способности кочевника, вера в собственную уникальность и идеальность, отсутствие нравственных принципов или их игнорирование

> *«делают его довольно агрессивным в отстаивании принципов» [Яковлева, 2023: 67]: он «интерпретирует с позиций своих предубеждений любую информацию и ничтожит все, несовпадающее с его взглядами» [Яковлева, 2023: 67]* (ил. 9).

Постановка экзистенциального спектакля в мессенджерах и социальных сетях имеет для электронного кочевника неоднозначные последствия. У него нарушается адекватность восприятия действительного мира, себя и Других. Дело в том, что

> *«формат работы в виртуальной среде имеет пролонгированный эффект, шлейф которого накладывается на пребывание в реальности: кочевник, взаимодействуя в действительности, словно продолжает оставаться в иных измерениях» [Яковлева, 2024: 141].*



Ил. 9. Жизнь в сетях. Да и жизнь ли?..
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://606.su/UQdU

Он оказывается неспособным к восприятию мира как он есть, что нередко травмирует индивида. Двоемирие приводит к разрыву континуальности бытия:

> *«рождается раскол между ситуацией и информацией, внешним миром и виртуальностью, оперативной реальностью и репрезентируемой реальностью» [Яковлева, 2024: 142].*

Сложности возникают и с идентичностями современной личности. У электронного кочевника

> *«реальная идентичность и виртуальная самопрезентация могут находиться в отношениях взаимовлияния и взаимопроникновения» [Ляпкина, 2015: 290], потому что «возможность*

> *экспериментировать с идентичностью в интернет-пространстве можно воспринимать как большой резерв для самопознания, а можно видеть в этом же факте уход от реальной коммуникации в виртуальную, от реальных людей к анонимам» [Ляпкина, 2015: 290].*

Так, электронный кочевник получает возможность расширить собственный опыт, смоделировать желаемое и стремиться к нему, научиться понимать и воспринимать себя, постоянно просматривая ленту с экзистенциальными эпизодами в мессенджерах и социальных сетях, оставить цифровой след истории своей жизни, удовлетворить любопытство по поводу Других. Но нередко электронный кочевник путается

> *«в пространствах (реальном и цифровом)» [Яковлева, 2024: 140], «сбиваясь с пути» [Яковлева, 2024: 140], что «делает его зацикленным <…> и замкнутым в виртуальном пространстве» [Яковлева, 2024: 140].*

Электронный кочевник в действительности оказывается иным, неспособным на постановку целей и/или нежелающим их достигать посредством приложения собственных усилий.

Жизнь в состоянии прозрачного надзора и поиска удачного сюжета для экзистенциального спектакля рождает у электронного кочевника экзистенциальные, гносеологические, аксиологические и психологические проблемы. Он испытывает постоянное напряжение. Для него более необходимым оказывается непрекращающийся контакт с цифровым миром, наличие Я в нем в виде экранного (фото/видео) изображения, а

> *«в противном случае он проваливается в тартарары, в преисподнюю невидимости» [Лехциер, 2008].*

Позиционирование электронного кочевника в мессенджерах и социальных сетях таит определенные угрозы.

> *«Эффект постоянного фонового присутствия "глаз" сыграл не последнюю роль в оказании психологического давления, последующих негативных личных событиях, в числе которых – конец отношений» [Луковенков, 2024: 13].*

Нередко электронный кочевник подвергается негативным атакам со стороны (не)знакомых людей, проявляющих интерес к его персоне и начинающих обсуждение того, что он выложил в мессенджерах и социальных сетях. Некоторые пытаются «хайпануть» на популярности электронного кочевника, другие – прибегают к троллингу или флейму. Сам же электронный кочевник испытывает чувство

> *«страха стать раскрытым с "постыдной" стороны и быть "выброшенным" на всеобщее обозрение – эффект разрушения иллюзии приватности, чувства контроля над жизненным пространством, которое включает инструменты выхода и связи с информационно-сетевым миром» [Луковенков, 2024: 16].*

Перечисленное свидетельствует о тотальной негации, связанной со взаимодействием с виртуальным миром и позиционированием несуществующего. При этом сама по себе виртуальная среда

> *«нейтральна, и лишь на службе у конкретных людей и идеологий она принимает позитивную или негативную окраску» [Ляпкина, 2015: 291].*

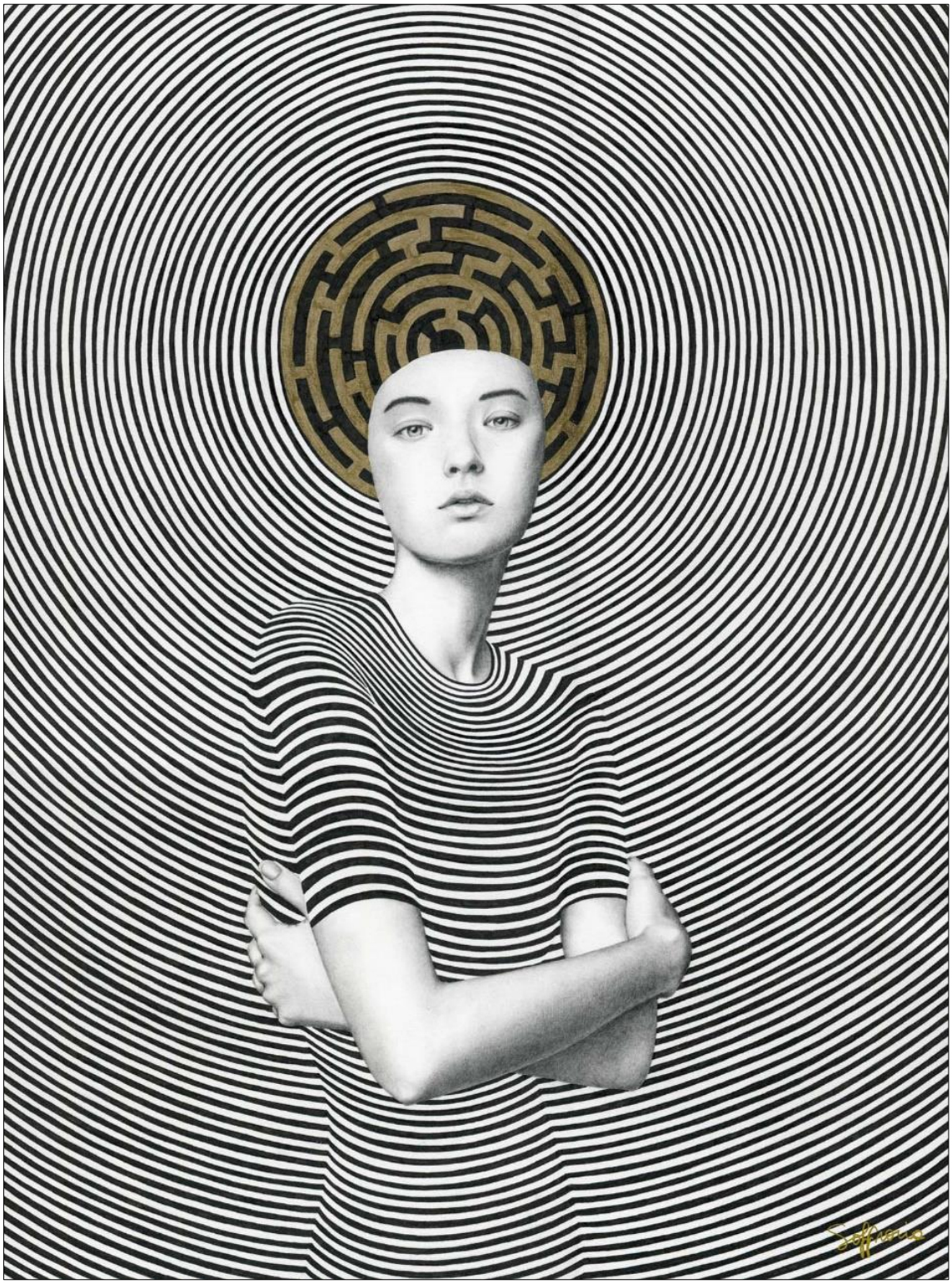
Сосредоточенность на виртуальности приводит электронного кочевника к Digital Fatigue / цифровой усталости или утомлению, что влечет за собой цифровое выгорание. Электронный кочевник все чаще находится в состоянии усталости и отсутствия жизненной энергии, считая виновным в этом свой реальный

пласт жизни. Такой синдром сопровождается напряжением и стрессом, циничным отношением к реальному бытию/Другим и забывчивостью о происходящим с Я, опустошенностью и истощением, отчужденностью и раздражительностью, перманентной усталостью и ничтожением отношений с людьми, утратой продуктивности и невозможностью сосредоточиться на чем-либо, ощущением невыполненного долга и ускользания чего-то важного в собственном бытии-в-мире. Электронный кочевник оказывается открытым виртуальности и различным формам социальности в ней, но отчужденным от реального бытия, себя и Других в нем.

> *«В глобальной реальности кризис идентичности и усиление чувства нехватки связаны с изменением структур личности и идентичности в динамичной социальной реальности, где все большую роль играет виртуальный способ размыкания человека к миру и множатся виды онтического бытия» [Гилл & Крапчунов, 2024: 42]* (ил. 10).

Для электронного кочевника нехватка в бытии реального Я приводит к его иллюзорному восполнению в виртуальности посредством публикации материалов на канале в мессенджере или же на странице в социальных сетях, что становится принципом жизни. Неосознаваемые истоки цифровой усталости и выгорания изматывают индивида.

> *«При этом исправить личный сценарий очень трудно, и внешнее, событийное изменение не обеспечивает избавления от неудовлетворенности и невротической зависимости от объектов потребности, не позволяет перейти к длительному переживанию достаточности, которое было бы не сиюминутным моментом, а состоянием сознания» [Гилл & Крапчунов, 2024: 42].*



Ил. 10. Гамлетовский вопрос: жить с иллюзиями или играть с иллюзиями?
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
https://tanjand.livejournal.com/2548504.html

В результате кочевник теряет ощущение естественных биологических ритмов, утрачивает контроль за временем и пространством, не может принять реальность во всей ее многогранности, испытывает негативные эмоции от действительности, не способен находится в тишине и рефлексировать. В гонке за эпизодами экзистенциального спектакля и в процессе их выкладывания в цифровую среду кочевник теряет собственную непосредственность и Я. Его эпизоды в экзистенциальном спектакле в виртуальности закономерно оборачиваются драмой. Функционирование сразу в двух мирах делают кочевника уставшим: он оказывается включенным в виртуальность и рассеянным в реальности. В самом бытии электронного кочевника обнаруживается онтологическая недостаточность

> *«как недоопределенность бытия до целостности», «всегда не-определенного, незавершенного, развивающегося, частичного, расколотого» [Гилл & Крапчунов, 2024: 43].*

Постоянные побеги в цифровой мир и открытость ему Я, свершающего преобразования согласно нормам социальности в виртуальности, не размыкают кочевника к Иному способу бытия, выступающему в качестве экзистирования к трансценденции.

> *«Иное остается недоступным», и «его место занимает» виртуальность [Гилл & Крапчунов, 2024: 43]* (ил. 11).

Пытаясь быть в роли Я-Другого, электронный кочевник неизменно привносит в свою жизнь чуж(д)ое и ненужное, так и не осознавая драматичности ситуации. Демонстрируя возможное/желаемое, электронный кочевник начинает принимать

его за подлинное, но при этом живет с чувством собственной нереализованности и недовольства складывающимся положением дел в его бытии. Тогда как при возвращении в реальность его вдохновение оборачивается разочарованием, мечты – обыденным кошмаром, оптимизм – пессимизмом, история жизни – симулякром. От всего перечисленного современный электронный кочевник вновь сбегает в информационный гул мессенджеров и социальных сетей, где редко оказывается наедине со своими мыслями, но гораздо чаще находится в состоянии их отсутствия, пребывая в зоне (ужасающей его) пустоты.

Ил. 11. Возможно ли пробуждение электронного кочевника с чередой вопрошаний: Кто Я? Где Я? Что со мной? Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://br.pinterest.com/pin/771100767436190271/

Электронный кочевник оказывается неспособным понять и выразить словами свое состояние. Всю противоречивость и

сложность собственного бытия он намеренно подводит к простому знаменателю, что не способствует саморазвитию и позитивным духовным изменениям. У него обедняется внутренний духовный опыт. Электронный кочевник постоянно находится в хаосе, боясь не соответствовать стандартам социального и «исчезнуть с радаров» виртуального. Он ощущает и (смутно) понимает несоответствие своей реальной жизни виртуальной. Конструируемый проект возможного в мессенджерах и социальных сетях оказывается небывшим/недостижимым/нереализуемым в реальности. Но электронный кочевник замыкается в клишированных рамках виртуального мира и не желает их разрывать. Становясь отчужденным от действительности и теряя ко всему происходящему в ней интерес, такой индивид пребывает в собственной пустоте, пустоте виртуального, пустоте окружающего его социального. Электронный кочевник одинок и обречен на одиночество, нередко не желая из него выходить. Реальный мир для него оказывается враждебным, и смутное/(бес)сознательное понимание этого оказывается его субъективной драмой.

Сложившаяся кризисная ситуация подводит электронного кочевника к определенной границе, буквально заставляя посмотреть в глаза самому себе, взять ответственность за собственную драму жизни, проявить активность и интерес к реальности и Я в ней, перестать бояться собственного несоответствия Другому, начать рефлексировать над происходящим и критически относится к нему, осуществить интенцирование к трансценденции. Но пока еще крайне

небольшое количество электронных кочевников осознают катастрофичность ситуации и необратимость ее последствий.

Шоу, вуалирующее экзистенциальную драму… Или нужен ли электронному кочевнику прогноз на будущее?

Покорение цифровой среды оборачивается пленением индивида, превратившегося в электронного кочевника. На наших глазах сегодня в мессенджерах и социальных сетях развертывается настоящая экзистенциальная драма электронного кочевника, подглядывающего за Другими и одновременно позволяющего подглядывать за собой. В цифровом мире кочевник формирует и размещает реальные/возможные эпизоды из жизни, из которых выстраивается его экзистенциальный спектакль. В нем акцентируется внимание на Я электронного кочевника. В подобном спектакле электронный кочевник нередко демонстрирует реальность без реальности, экзистенцию без экзистенции, событие без событийности, что свидетельствует об определенной абсурдности и (не)осознаваемой иронии (со стороны кочевника к Я/Другим/бытию-в-мире).

При этом понимание своей уникальности становится основанием цифровой «войны всех против всех» [Гоббс, 1936: 87], развертывающейся на каналах в мессенджерах и страницах в социальных сетях. Воинственность в отстаивании превосходства своего Я демонстрирует одиночество, интеллектуальную ограниченность и уязвимость электронного кочевника. Постановочный экзистенциальный спектакль в мессенджерах и социальных сетях вступает не столько триумфом (несмотря на

огромнейшее количество подписчиков), сколько драмой электронного кочевника, до конца не сознающего масштаба негативных последствий и трансформаций, происходящих с ним.

Чтобы разрешить многие свои проблемы, кочевник в рамках экзистенциального спектакля должен пересмотреть свое отношение к нему, снять отчуждение от реальности, научиться осуществлять «*экзистирование к экзистенции*» [Гагарин, 2023], связанное с поиском смысла жизни и выбором онтологических ценностей, и «*экзистирование к трансценденции*» [Гагарин, 2023], реализуемое как прорыв, в результате которого осуществится направление интенции на бытие и постижение Абсолютов в гармонии чувств и мыслей. Но подобное в ближайшем будущем есть всего лишь утопия. Современный электронный кочевник слишком очарован виртуальностью, буквально поглощающей его. В результате встает проблематичный вопрос: а стоит ли сегодня вообще прогнозировать будущее?

Литература

Бауман, З. (2008). *Текучая современность*. Санкт-Петербург, Москва: Питер.

Бодрийяр, Ж. (1994). Войны в заливе не было. *Художественный журнал*, *3*. Режим доступа: https://moscowartmagazine.com/issue/49/article/1000 (дата обращения: 21.11.2024).

Бодрийяр, Ж. (2017). *Фатальные стратегии*. Москва: РИПОЛ классик.

Гагарин, А. С. (2023). Экзистирование и трансцендирование: философские интерпретации. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования,* *1*(38), 9–14. https://doi.org/10.36809/2309-9380-2023-38-9-14

Гилл, Е. В., & Крапчунов, Д. Е. (2024). Традиционализм и онтологическая недостаточность человека. *Logos et Praxis,* *23*(2), 41–49. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5

Гоббс, Т. (1936). *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского.* Москва: Государственное социально-экономическое издательство. Режим доступа:

https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Гуринская, А. Л. (2014). Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 2 (33), 86–93. Режим доступа: https://606.su/9jaH (дата обращения: 15.01.2025).

Лехциер, В. Л. (2008). Под сенью чужого дома (чужая жизнь как соблазн). *Mixtura verborum' 2008: небытие в маске: сборник статей*. Самара: Самар. гуманит. академия. Режим доступа: https://www.phil63.ru/pod-senyu-chuzhogo-doma-chuzhaya-zhizn-kak-soblazn (дата обращения: 21.11.2024).

Липовецки, Ж. (2001). *Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Луковенков, С. Г. (2024). Пан-надзорность, или жизнь на публике. *Метаморфозис*, *8* (4), 10–18.

Луман, Н. (2012). *Реальность массмедиа*. Москва: Канон+.

Ляпкина, Т. Ф. (2015). Конструирование и репрезентация идентичности в масс-медиа. *Вестник русской христианской академии*, *16* (2), 286–294.

Москвитина, О. А. (2023). Воздействие техногенной виртуальной реальности: от впечатлений к мировоззрению личности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, *1* (2), 194–216. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-194-216

Шавлохова, А. А., & Брагин, А. Д. (2024). Репрезентации повседневности и образы технологического будущего: по следам комментариев в социальных медиа. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, *2* (7), 226–260. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-226-260

Яковлева, Е. Л. (2023). Социальные сети как разновидность информационной войны. *Информационные войны: когнитивные и аксиологические аспекты: сборник трудов Международной научной конференции, Новосибирск, 18–19 мая 2023 года* (стр. 62–69). Новосибирск: СибГУТИ.

Яковлева, Е. Л. (2024). Дизайн информации и экзистенциальные проблемы электронного кочевника. *Информационные войны и цифровое общество: философское и социокультурное измерения: материалы Международной научной конференции, Новосибирск, 23–24 мая 2024 года* (стр. 140–144). Новосибирск: СибГУТИ.

Информация об авторе

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (Россия, 420111, Казань, ул. Московская, д. 42), ORCID: 0000-0002-4940-604X, mifoigra@mail.ru

METAMORPHOSES OF ELECTRONIC NOMAD GAMES: FROM A BANAL SHOW TO AN EXISTENTIAL DRAMA

Elena Iakovleva

Abstract. The object of the study is an electronic nomad who creates and posts elements of their own existential spectacle on messenger channels and social media pages. It is formed on the basis of episodes recorded through mobile devices from the nomad's life, both real and possible. In such an existential play, the electronic nomad performs several roles simultaneously, acting as a playwright, director and actor. A certain part of the episodes turns out to be staged, imagined and/or desired, but did not happen in reality. The design helps to make images and information look as attractive as possible, allowing them to process their textual, visual, graphic and audio components. The nomad positions his image in the play as a reference, while at the same time giving expert assessment or mentoring recommendations on current social issues. The nomad deliberately makes the existential play available to a large audience of subscribers, seducing them with private publicity, but at the same time showing the "will to power." In the existential performance of the electronic nomad, certain risks are revealed that do not allow him to realize existence and intention towards transcendence. As a result, the nomad does not understand himself, and his existential performance in messengers and social networks turns into a personal drama.

Keywords: electronic nomad, messenger, social network, existential performance, existence, design, image, intention to transcendence, digital burnout, ontological insufficiency.

References

Bauman, Z. (2008). *Fluid modernity*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russian).

Bodrijjar, Zh. (1994). There was no Gulf War. *Art magazine, 3*. Available at: https://moscowartmagazine.com/issue/49/article/1000 (accessed: 21.11.2024). (In Russian).

Bodrijjar, Zh. (2017). *Fatal strategies*. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian).

Gagarin, A. S. (2023). Existence and transcendence: philosophical interpretations. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies, 1*(38), 9–14. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistirovanie-i-transtsendirovanie-filosofskie-interpretatsii (accessed: 21.11.2024). (In Russian).

Gill, E. V., & Krapchunov, D. E. (2024). Traditionalism and ontological incompleteness of the human being. *Logos et Praxis, 23*(2), 41–49. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5 (In Russian).

Gobbs, T. (1936). *Leviathan, or the matter, form, and authority of the ecclesiastical and civil state.* Moscow: State Socio-Economic Publishing House. Available at https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (accessed: 21.11.2024). (In Russian).

Gurinskaja, A. L. (2014). Surveillance as a means of ensuring security: from prison space to cyberspace. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, *2*(33), 86-93. Available at: https://606.su/9jaH (accessed: 21.11.2024). (In Russian).

Jakovleva, E. L. (2023). Social networks as a kind of information warfare. *Information wars: cognitive and axiological aspects* (pp. 62–69). Novosibirsk: SibGUTI Publ. (In Russian).

Jakovleva, E. L. (2024). Information design and the existential problems of the electronic nomad. *Information wars and digital Society: philosophical and socio-cultural dimensions* (pp. 140–144). Novosibirsk: SibGUTI Publ. (In Russian).

Lehcier, V. L. (2008). Under the shadow of someone else's house (someone else's life as a temptation). *Mixtura verborum' 2008: Non-existence in a mask.* Samara: Samar. gumanit. Akademija Publ. Available at: https://www.phil63.ru/pod-senyu-chuzhogo-doma-chuzhaya-zhizn-kak-soblazn (accessed: 21.11.2024). (In Russian).

Lipovecki, Zh. (2001). *The era of emptiness. Essays on modern individualism*. St. Petersburg: Vladimir Dahl Publ. (In Russian).

Ljapkina, T. F. (2015). The construction and representation of identity in the mass media. *Bulletin of the Russian Christian Academy, 16* (2), 286–294. (In Russian).

Lukovenkov, S. G. (2024). Pan-supervision, or life in public. *Metamorphosis, 8* (4), 10–18. (In Russian).

Luman, N. (2012). *The reality of mass media*. Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian).

Moskvitina, O. A. (2023). The impact of man-made virtual reality: from impressions to a person's worldview. *Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 1*(2), 194–216. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-194-216 (In Russian).

Shavlohova, A. A., & Bragin, A. D. (2024). Representations of everyday life and images of the technological future: following the footsteps of comments on social media. *Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 2* (7), 226–260. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-226-260 (In Russian).

Author information

Yakovleva Elena Ludvigovna – Doctor of Philosophy Sciences, professor, Head of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (42, Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia), ORCID: 0000-0002-4940-604X, mifoigra@mail.ru

For citation:

Iakovleva, E. L. (2025). Metamorphoses of electronic nomad games: from a banal show to an existential drama. *Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 2* (11), 241-280. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2(11)-241-280 (In Russian).